

После первой в жизни пьянки Ли Жун проспал до полудня следующего дня.

Цэнь Сяо уже давно проснулся и читал. Одной рукой он держал книгу, а другой обнимал Ли Жуну за спину, по-хозяйски притягивая его к себе.

Юноша с трудом разомкнул веки. Головокружение бесследно исчезло, но во всём теле ощущалась неприятная тяжесть, а лицо казалось слегка опухшим. Уловив исходящий от собственной кожи запах перегара, он мгновенно выпутался из объятий мужчины и, презирая самого себя, пулей влетел в ванную.

Спустя час, проведённый в горячей воде, Ли Жун вышел, вытирая влажные волосы полотенцем. Усевшись на край кровати и поджав ноги, он недовольно проворчал:

— Почему ты не помыл меня вчера вечером?

Цэнь Сяо отложил книгу и, протянув руку, легонько потянул его к себе:

— Ты выглядел слишком измученным. Как желудок? Не болит?

Он покачал головой. К счастью, Цэнь Сяо вовремя заставил его выпить молока, так что его капризный желудок благополучно пережил это испытание. Он забрался под одеяло и, шая, принялся щекотать кончиками пальцев ног подколенную ямку мужчины. Размякшие после ванны пальцы то и дело проходились по самым чувствительным местам.

— И чего это ты здесь читаешь, а не в кабинете?

От щекотки мышцы Цэнь Сяо напряглись, но он не шелохнулся, лишь с невозмутимым видом признал:

— Самообладание подводит.

— А? — Ли Жун удивлённо приподнял бровь, перестав вытирать голову.

Ему не слышалось? Цэнь Сяо жалуется на слабую волю?

Тот перехватил зарывшиеся в одеяло ступни юноши и крепко сжал их в ладонях.

— Пока ты спишь в этой постели, я никак не могу надышаться тобой, — прямо заявил он. — Разве я могу заставить себя уйти в другую комнату?

Ли Жун невольно улыбнулся, глаза его лукаво блеснули. Он неблагодарно шевельнул пальцами в широкой ладони мужчины, бросая вызов:

— Вот как? И насколько же сильно тебе не хочется уходить?

Цэнь Сяо небрежно отбросил книгу на тумбочку и резким движением подмял Ли Жуну под себя.

Когда оба, вдоволь навозившись, в изнеможении откинулись на подушки, юноша ещё долго восстанавливал дыхание, отрешённо глядя в потолок.

— Кстати, — подал голос мужчина, — вам ведь пора выбирать курсы на новый семестр?

Ли Жун повернул голову и моргнул:

— В следующем семестре у нас только профильные предметы. Университет распределяет их сам, выбирать не нужно.

Новый учебный год был на носу, и система выбора курсов уже открылась. Хотя ему не нужно было ничего отмечать, он всё же хотел заранее узнать, кто будет вести занятия. В этой жизни он учился не в элитном классе, а значит, и преподаватели ему достались, скорее всего, малоизвестные.

Собравшись с силами, он глубоко вздохнул, поднялся с кровати и в одних тапочках пошлёпал в кабинет к компьютеру. Стоило ему войти в систему под своим номером, как перед глазами предстало плотное расписание. Однако в графе «Биохимия и молекулярная биология» в строке преподавателя значилось имя: Цзян Вэйдэ.

С его статусом и регалиями Профессор Цзян не должен был вести обычные лекции. Даже учитывая соглашение о сотрудничестве с Университетом А, он мог бы преподавать максимум у первого класса, но никак не у группы Чжан Чжаохэ.

Ли Жун на несколько секунд замер от удивления. Он ввёл имя профессора в общий поиск по системе и обнаружил, что тот взял всего две группы: первый класс и его класс.

Он не был склонен к самообольщению, но сейчас был уверен на все сто — Цзян Вэйдэ пришёл именно за ним. Теперь, когда Сун Хэ перестал быть его соглядатаем, профессору не оставалось иного пути следить за подопечным, кроме как примерить на себя роль наставника.

Ли Жун потёр виски и выключил компьютер.

«Так на чьей же стороне его загадочный учитель?»

***

Март принёс с собой первые бутоны магнолий, а вместе с ними и начало нового семестра. Расследования по нескольким направлениям пришлось временно замедлить: в начале учебного года забот всегда было невпроворот, а чтобы продолжать долгую борьбу, нужно было сначала навести порядок в текущих делах.

Вернувшись в общежитие, Ли Жун узнал, что Хэ Чанфэн уже вывез свои вещи. Вскоре после того, как Хэ Даюну вынесли приговор с отсрочкой исполнения, его сын оформил академический отпуск.

Такой исход был предсказуем. Хэ Даюн отделался малой кровью, а штраф, который его обязали выплатить, рано или поздно будет погашен. Но Хэ Чанфэн неизбежно оказался под ударом. Даже если он ничего не знал о делах отца и не участвовал в его махинациях, клеймо «сына преступника» приклеилось к нему намертво. Он жил на деньги, заработанные отцом на чужом горе, и отмыться от этого было невозможно.

Человеческая ярость не знает границ. Когда общество начинает судить того, в ком нашло изъян, никто не скажет «хватит» в нужный момент. А если кто и крикнет, его никто не захочет слушать.

Университет А — это не только биохимический факультет. Стоило новостям просочиться в сеть, как всё студенческое сообщество ополчилось против Хэ Чанфэна. Любой считал своим долгом бросить в него камень, у него же не осталось ни единого права на оправдание.

Ли Жун когда-то прошёл через это, только в сотни раз масштабнее. Он слишком хорошо знал это чувство. Существование в облике живого мертвеца можно описать лишь одним словом — «терпеть».

Он до сих пор помнил, как однажды пытался купить еду для матери в ресторанчике, который очень любила Гу Нун. Владелец заведения прекрасно знал их семью. До того как грянул гром, он с гордостью вывешивал на самом видном месте общую фотографию с Ли Цинли и Гу Нун, не упуская случая похвастаться перед новыми сотрудниками знакомством с великими учёными.

Но после катастрофы фото исчезло в тот же миг. И чтобы старые клиенты, наслушавшиеся его бахвальства, не заподозрили его в связях с «учёными-убийцами», хозяин превратился в самого яростного борца против Ли.

В одну ночь обычный повар возомнил, что разбирается в фармацевтических исследованиях лучше академиков. Опираясь на обрывки знаний из интернета, он поливал грязью родителей юноши, боясь опоздать хоть на секунду и прослыть сочувствующим. С тех пор Ли Жун не мог даже проходить мимо того места — запах жареного вызывал у него тошноту.

Позже он понял: будь то простой повар или высокообразованный студент Университета А —

никто не в силах вырваться из оков человеческой природы.

И всё же, глядя на внезапно опустевшую гостиную, юноша ощутил мимолётную тоску. Оказалось, вещей у Хэ Чанфэна было так много, что после его ухода комната стала казаться нежилой.

Сун Хэ провёл в общезитии почти все каникулы. На этот раз у входа не стояли горы минералки, припасённые его соседом, поэтому он просто протянул Ли Жуну стакан чистой воды.

— В этом семестре ты тоже не планируешь возвращаться?

Тот взял стакан, но пить не стал, лишь сжал его в ладонях:

— Скорее всего.

Сун Хэ кивнул:

— В любом случае, я больше не собираюсь следить за тобой. Если тебя не будет, я поставлю в гостиной свой компьютерный стол. Хэ Чанфэн оставил удлинитель.

— Без проблем.

Говорить им было больше не о чем. Сун Хэ выдержал паузу в несколько секунд, а затем молча скрылся в своей комнате. Ему всё ещё было неловко. Тот факт, что он когда-то зарабатывал на слежке за соседом, воздвиг между ними стену, через которую он не мог перешагнуть. Для обоих было лучше, если Ли Жун появлялся здесь как можно реже.

***

Цэнь Сяо сегодня не пошёл в университет. Его ждали дела в Девятом районе. Ведомство сейчас было поглощено проверками во всех подразделениях «Ланьшу», и времени катастрофически не хватало.

Хань Цзян так и не отказался от Ду Минли. На этот раз он поручил тому важное задание на юге страны, а Цэнь Сяо велел оставаться в городе. Командировки от Девятого района ценились высоко — там было проще всего выслужиться и показать результат. Если Ду Минли справится, это с лихвой покроет его провал с компанией «Мэйцзян».

Впрочем, мужчина и сам не горел желанием уезжать. Впереди были профильные занятия в университете, да и Ли Жун оставался здесь.

Цэнь Сяо стоял в холле в ожидании лифта. Когда двери открылись, он нос к носу столкнулся с Ду Минли. Тот на мгновение оторопел, но тут же нацепил на лицо дежурную улыбку:

— Капитан Цэнь, давно не виделись.

Ду Минли сменил причёску. Раньше он носил удлинённые волосы и редко пользовался средствами для укладки, из-за чего его облик казался мягким. Теперь же он коротко подстригся, отчего стал выглядеть гораздо моложе и энергичнее — новый образ отлично сочетался с его смуглой кожей.

Тот не удостоил его любезностью. Он лишь окинул коллегу холодным взглядом и даже не кивнул в ответ. К счастью, в лифте они были одни, и никто не заметил напряжения, возникшего между двумя капитанами.

Ду Минли, казалось, уже привык к такому обращению и больше не выказывал досады.

— Капитан Цэнь, мы хоть и конкуренты, но работаем в одном ведомстве. Не стоит доводить дело до вражды. Может, поговорим?

Цэнь Сяо мельком взглянул в телефон: Гэн Ань в общем чате то и дело торопил Юй Фуяня. В последние месяцы из-за ликвидации Шестого района многие предприятия покинули «Ланьшу». Организация перенесла самый тяжёлый удар за последние десятилетия.

Он не собирался тратить на коллегу ни секунды своего времени. Но стоило ему потянуться к кнопке этажа, как тот рукой придержал дверь:

— Я знаю, кто этот красавец рядом с тобой.

Движение замерло. Цэнь Сяо медленно поднял взгляд, и в его глазах вспыхнул недобрый огонь. Ду Минли лишь пожал плечами:

— Я просто хочу поговорить.

Небольшая библиотека в левом крыле холла оказалась идеальным местом. В этот час все сотрудники были заняты в кабинетах, и никому не было дела до книг.

Тот закрыл стеклянную дверь и заговорил без обиняков:

— Твой спутник — Ли Жун, сын Ли Цинли и Гу Нун. Поверить не могу, что видел его столько раз и не узнал.

Цэнь Сяо едва заметно усмехнулся:

— Осведомители капитана Ду работают оперативно.

Собеседник улыбнулся, и у уголков его глаз прорезались морщинки.

— Не стоит иронии. Просто у меня есть привычка: если я проваливаю дело, то не успокоюсь, пока не докопаюсь до причин. Вернувшись из «Мэйцзян», я долго анализировал ситуацию. Должно быть, мне просто не хватило столь одарённого наперсника рядом.

Цэнь Сяо не удивился этому открытию. В те месяцы Ду Минли глубоко пустил корни в дела фармацевтической компании. И хотя до верхушки он не добрался, подкупить мелких сошек не составило труда. Ли Жун лично появлялся на виду, и именно он обнаружил подлог в данных препарата «Цинжуй». Даже когда Хэ Даюн спохватился и принял меры, он не смог остановить любопытство тех, кто жаждал правды.

Видя, что мужчина не проявляет ни страха, ни беспокойства, Ду Минли разочарованно перестал улыбаться.

— Если честно, я не понимаю твоей неприязни. Я вспоминал всё, что было два года назад, когда у семьи Ли случилась беда. Я не злорадствовал и даже готов был допустить, что в деле замешана недобросовестная конкуренция.

— Капитан Ду, — отозвался Цэнь Сяо, — я тоже не понимаю, откуда в тебе такая уверенность, будто лишь ты один здесь образец благодетели?

Лицо Ду Минли окаменело. Раньше он свято верил в свою правоту. Ведь собеседник сам когда-то говорил ему в лицо, что он человек далеко не святой. Но после истории с «Мэйцзян» он начал сомневаться: что лучше — делать добро без чистых помыслов или иметь доброе сердце, но раз за разом терпеть неудачу?

Он не захотел развивать эту тему и, отведя взгляд, медленно произнёс:

— Полагаю, ты хочешь восстановить доброе имя семьи Ли? Я следил за этой историей, там действительно много странностей. Если Ли Цинли подставили, то нам незачем враждовать. Возможно, я даже смогу быть полезен.

На этот раз Цэнь Сяо посмотрел прямо на него. В его взгляде читалась откровенная насмешка. Вместо того чтобы принять предложение, он спросил:

— Когда-то ты задал мне вопрос: представь, что ты водитель неуправляемой вагонетки. На одном пути привязан один человек, на другом — пятеро. Куда ты повернёшь? А если на одной стороне один, а на другой сто? Или тысяча? Что тогда?

Тот нахмурился, в его глазах промелькнуло подозрение:

— Это мысленный эксперимент Филиппы Фут. На него нет правильного ответа. Десятилетиями люди спорят о возможных вариантах, и даже профессора с мировым именем не дают однозначного решения. И вообще... когда это я спрашивал тебя об этом?

Он не помнил, чтобы их отношения были настолько доверительными, чтобы обсуждать классические дилеммы.

Мужчина усмехнулся:

— Спорить можно десятилетиями. Но правильный ответ не нужен. Когда ты действительно окажешься на месте водителя, выбор делается сам собой.

Это был первобытный, инстинктивный выбор, не требующий раздумий или лекций в университете. Когда придёт время повернуть руль, тело само даст ответ.

В тот день, когда Цэнь Сяо прижал лезвие, спрятанное в пряжке ремня, к горлу Ду Минли и спросил, зачем тот поднял руку на Ли Жуна, Ду понял, что смерть близка, и страх исчез. На его лице отразилась лишь смертная тоска. Горько усмехнувшись, он задал этот самый вопрос.

— Когда займёшь это кресло, — добавил Ду Минли напоследок, — выбор делается сам собой.

<http://bllate.org/book/15351/1506075>